

СЛОВО К МОЛОДЫМ

ВАША ПРОФЕССИЯ И ВАШ ПАТРИОТИЗМ

Чень трудно сказать напутствие молодежи. Многое уже сказано, и сказано очень хорошо. И все-таки я постараюсь сказать то, что считаю самым важным и что, как мне представляется, каждому человеку, вступающему в большую жизнь, надо твердо осознать.

Очень многое в том, чего человек достигает в жизни, какое он занимает в ней положение, что приносит другим и получает для себя, — зависит от него самого. Удача не приходит случайно. Она зависит от того, что человек считает в жизни удачей, как он сам себя оценивает, какую жизненную позицию избрал, какая, наконец, цель у него в жизни.

Многие, очень многие рассуждают примерно так: я умен, у меня такие-то способности, буду заниматься такой-то профессией, многое добьюсь в жизни, стану человеком «с положением».

Нет, этого далеко не достаточно! Случайный провал на вступительных экзаменах (допустим, действительно случайный, а не мнимо случайный), случайная ошибка в своих способностях (мальчики часто их преувеличивают, девочки слишком часто недооценивают самих себя), «случайно» появившиеся влиятельные в жизни недруги и т. д. и т. п. И вот в жизни все пропало. К старости человек чувствует глубокое разочарование, обиду на кого-то или «так, вообще».

А между тем виноват он сам — за исключением, может быть, очень редких случаев...

Вдумайтесь внимательно в то, что я вам скажу, молодые друзья. И не думайте только, что я хочу вам просто «прочесть мораль».

У каждого человека, помимо небольших и «временных» личных целей, в жизни непременно должна быть одна большая личностная цель, и тогда риск неудач будет сведен до минимума.

В самом деле. В маленьких целях доля возможной неудачи всегда большая. Поставили себе целью чисто бытовую задачу — купить хорошие вещи, а достались вам вещи второго сорта.

Такое случается часто. Если эта маленькая задача была для вас главной, вы уже будете чувствовать себя несчастным. Но если эта маленькая цель для вас была «попутной» и вы осознавали ее как «попутную» и небольшую, вы даже и не очень обратите внимание на свою «неудачу». Вы отнесетесь к своей «неудаче» совсем спокойно.

Поставьте себе задачу побольше. Например, стать хорошим врачом. Здесь случайных неудач будет меньше. Во-первых, от вас будет зависеть хорошо подготовиться к вступительным экзаменам в медицинский институт. Но допустим, на вступительных экзаменах к вам подошли несправедливо (или вам показалось — несправедливо). Большой катастрофы еще нет. Задача ваша только отодвинулась, но от вас будет зависеть, чтобы время до следующего поступления не пропало для вас зря. Но и здесь могут быть все же неудачи. Это надо признать.

Ну, а если вы поставили себе надличностную цель, предположим самую общую: приносить как можно больше пользы людям? Какие здесь «роковые» неудачи могут вам помешать выполнить эту свою большую жизненную задачу? К выполнению ее можно стремиться в любых обстоятельствах, а неудачи? «Нулевой результат», и только в отдельных случаях... Но в целом успех вам будет сопутствовать — успех и признание окружающих. И если в достижении этой задачи вам будет сопутствовать личный успех, то и счастье вам будет обеспечено.

«Приносить как можно больше пользы людям!» Не слишком ли общо и абстрактно поставлена задача? Да, конечно, попробуем конкретизировать эту жизненную позицию человека, чтобы она действительно могла направлять его жизнь.

Совсем не нужно, чтобы надличностная жизненная задача превратилась в муку для человека. Если помочь другим — прямая или косвенная — не приносит радости тому, кто ее оказывает, совершается с натугой и только «из принципа», — это плохо и для дела.

Надо быть увлеченным своей профессией, своим делом, теми людьми, которым непосредственно оказываешь помощь (особенно это необходимо педагогу или врачу), и теми, которым приносишь помощь «изделия», не видя их. Последнее особенно трудно, но не недостижимо. И вот об этом последнем хочется рассказать как можно яснее.

В жизни человека огромную роль играет любовь. Сперва это любовь к своим родителям, к своей семье. Потом это любовь к своей школе, к своему классу — классным товарищам и подругам; к своему селу или городу. Еще одна важнейшая ступень — любовь к своему народу, к своей стране.

Любовь к своей стране и своему народу — это и есть то надличностное начало, которое по-настоящему освящает (делает святой) всю деятельность человека, приносит ему настоящее счастье, избавляет от неприятностей, мелких личных неудач.

Если человек карьерист, он всегда рискует попасть под колеса самим им построенной машины карьеризма, испытать страшные разочарования. Если же стремление занять в жизни лучшее положение корректируется тем, что это личное положение даст ему возможность больше приносить пользы соотечественникам, то та или иная служебная неудача будет не крахом, а просто «нулевым результатом», — ничего страшного.

А как уменьшают риск неудач надличностные цели! В науке, если ученый ищет только истину, он достигнет всегда более прочных и надежных результатов, чем тот, кто жаждет «прославиться». Поиски эффектных и поражающих результатов редко приводят к великим открытиям, а часто ведут (особенно в гуманитарных науках, где редок эксперимент, дающий наиболее точную проверку) к подтасованным, «фейерверочным» гипотезам, опасным и для тех, кто их стремится запустить в воздух.

Забота об истине воспитывается любовью к людям, которым эта истина нужна, она воспитывается патриотизмом. Патриотизм, именно советский патриотизм, как классово осознанное чувство любви к своей Родине, к ее многострадальной и героической истории, к ее прекрасным традициям культуры — это великое и возвышающее человека чувство. М. И. Калинин говорил: «Проповедь советского патриотизма не может быть оторванной, не связанной корнями с прошлой историей нашего народа. Она должна быть наполнена патриотической гордостью за деяния своего народа. Ведь советский патриотизм является прямым наследником творческих дел предков, двигавших вперед развитие нашего народа. ... Значит, советский патриотизм берет свои истоки в глубоком прошлом, начиная от народного эпоса; он впитывает в себя все лучшее, созданное народом, и считает величайшей честью беречь все его достижения».

Однако патриотизм не следует смешивать с национализмом. Патриотизм — это любовь к своему народу. Национализм — это пренебрежение, неуважение, ненависть к другим народам. Понапающему, если вы вдумаетесь в то, что я сказал, — одно несовместимо с другим.

Если вы любите свою семью, если семья ваша дружная, то у нее всегда много дружественных семей, которые любят посещать вашу семью и любят приглашать ее к себе. Дружная семья излучает атмосферу дружелюбия и вовне... Это счастливая семья, какие бы болезни и смерти ее ни посетили.

Если вы любите свою мать, вы поймете и других, любящих своих родителей, и эта черта будет вам не только знакома, но и приятна.

Если вы любите свой народ, вы поймете и другие народы, которые любят свою природу, свое искусство, свое прошлое.

Всем известно, как, допустим, болгары любят свою маленькую страну. Но именно это и делает их такими гостеприимными по отношению ко всем, кто к ним приезжает.

Надо стремиться освоить культурные достижения всего мира, всех народов, населяющих нашу маленькую планету, и все культуры прошлого. Надо развить в себе интеллектуальную гибкость, чтобы понимать достижения и уметь отделить фальшивку от подлинного и ценного.

Надо знать чужие культуры, культуры нашего времени и прошлого, надо много путешествовать — не обязательно «ногами», переезжая с места на место, из одной страны в другую, но «путешествовать» по книгам, с помощью книг (книги — величайшее из величайших достижений человеческой культуры), с помощью музеев, с помощью своей собственной интеллектуальной подвижности и гибкости. Заинтересовывает в других по преимуществу непохожее на нас самих, своеобразное. Тогда и свое оценишь по-настоящему.

И первое «путешествие», которое человек должен совершать, — это «путешествие» по своей стране. Знакомство с историей своей страны, с ее памятниками, с ее культурными достижениями — это всегда радость нескончаемого открытия нового в знакомом, радость узнавания привычного в новом. Знакомство и ознакомление других (если ты настоящий патриот) — бережное отношение к своей старине, к своей истории, ибо своя страна, помимо измерения в пространстве, имеет еще и «четвертое измерение» — бо времени.

Если вы любите своих родителей, то вы любите их «во всех измерениях»: вы любите смотреть старые альбомы с фотографиями — какими они были в детстве, до свадьбы, молодыми и постаревшими (ох, как красивы старые лица добрых людей!). Если вы любите свою страну, вы не можете не любить своей истории, не можете не беречь памятников прошлого. Вы не можете не гордиться славными традициями Страны Советов.

И эта любовь к прошлому своего народа должна быть у людей всех профессий, всех научных и ненаучных специальностей. Ибо патриотизм — это та великая надличностная сверхзадача всей вашей деятельности, которая будет избавлять вас и от слишком острых неприятностей, личных неудач и правильно, по безошибочному пути направлять вашу деятельность в поисках истины, правды и надежного личного успеха.

Только не ошибитесь в занятой вами жизненной позиции. Всегда ставьте себе большие и надличностные задачи, и вы достигнете в своей жизни большого и надежного. Вы будете счастливы!

О ВОСПИТАНИИ СОВЕТСКОГО ПАТРИОТИЗМА, О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В ОСВОЕНИИ КУЛЬТУРЫ

Мы часто встречаемся с противопоставлением естественных наук, которые считаются точными, «неточному» литературе-

дению. На этом противопоставлении основывается отношение к литературоведению как к науке «второго сорта».

Однако естественные и общественные науки вряд ли сильно различаются между собой. В принципиальном отношении — ничем. Если говорить о том, что гуманитарные науки отличаются историчностью подхода, то и среди естественных есть исторические науки: история флоры, история фауны, история строения земной коры и прочее и прочее. Комплексность материала изучения отличает географию, океановедение и многие другие науки. Гуманитарные науки имеют дело по преимуществу со статистическими закономерностями случайных явлений, но с этим же имеют дело и многие другие науки. Так же, пожалуй, относительны и другие особенности.

При отсутствии принципиальных различий имеются практические различия. Так называемые «точные» науки (а среди них много совсем не «точных») гораздо более формализованы (я употребляю это слово в том смысле, в каком его употребляют представители «точных» наук), в них не смешивают исследования с популяризацией, сообщения уже добытых ранее сведений — с установлением новых фактов и т. п.

Говоря о том, что у гуманитарных наук нет принципиальных различий с «точными» науками, я не имею в виду необходимость «математизации» нашей науки. Вопрос о степени возможности внедрения в гуманитарные науки математики — это особый вопрос.

Я имею в виду только следующее: нет ни одной глубокой методологической особенности в гуманитарных науках, которой в той или другой степени не было бы и в некоторых науках негуманитарных.

И наконец, замечание о самом термине «точные» науки. Этот термин далеко не точен. Многие науки кажутся точными только со стороны. Это касается и математики, которая на своих высших уровнях не так уж точна.

Но есть одна сторона в литературоведении, которая действительно отличает его от многих других наук. Это сторона этическая. И дело не в том, что литературоведение изучает этическую проблематику литературы (хотя это делается недостаточно). Литературоведение, если оно охватывает широкий материал, имеет очень большое воспитательное значение, повышая социальные качества человека.

Я всю жизнь занимаюсь древней русской литературой. Древняя русская литература принадлежит к особой эстетической системе, малопонятной для неподготовленного читателя. А развивать эстетическую восприимчивость читателей крайне необходимо. Эстетическая восприимчивость — это не эстетство. Это громадной важности общественное чувство, одна из сторон социальности человека, которая противостоит чувству национальной исключительности и шовинизма, она развивает в человеке терпи-

мость по отношению к другим малоизвестным ему культурам — иноязычным или других эпох.

Умение понимать древнюю русскую литературу открывает перед нами завесу над другими, не менее сложными эстетическими системами литератур, скажем европейского средневековья, средневековья Азии.

То же самое и в изобразительном искусстве. Человек, который по-настоящему (а не по-модному) способен понимать искусство древнерусской иконописи, не может не понимать живописи Византии и Египта, персидскую или ирландскую средневековую миниатюру.

На литературоведах лежит большая и ответственная задача — воспитывать «умственную восприимчивость». Вот почему сосредоточенность литературоведов на немногих объектах и вопросах изучения, на одной только эпохе или на немногих проблемах противоречит основному общественному смыслу существования литературоведения как науки.

В литературоведении нужны разные темы и большие «расстояния» именно потому, что оно борется с этими расстояниями, стремится уничтожить преграды между людьми, народами и веками.

Литературоведение имеет множество отраслей, и в каждой отрасли есть свои проблемы. Однако если подходить к литературоведению со стороны современного исторического этапа развития человечества, то следует обратить внимание вот на что. Сейчас в орбиту культурного мира включаются все новые и новые народы. «Демографический взрыв», который сейчас переживает человечество, крушение колониализма и появление множества независимых стран — все это приводит к сближению прогрессивных сторон различных культур на земном шаре, содействует их плодотворному взаимовлиянию и взаимопроникновению при неизменном условии сохранения национального лица всех культур. Поэтому перед гуманитарными науками стоит сложнейшая задача — понять, изучить культуры всех народов мира: народов Африки, Азии, Южной Америки. В сферу внимания литературоведов поэтому включаются литературы народов, стоящих на самых различных ступенях общественного развития. Вот почему сейчас приобретают большое значение работы, устанавливающие типические черты литературы и фольклора, свойственные тем или иным этапам развития общества. Нельзя ограничиваться изучением современных литератур высокоразвитых народов, находящихся на стадии капитализма или социализма. Необходимость в работах, посвященных исследованию закономерностей развития литератур на стадиях феодализма и родового общества, сейчас очень велика. Важное значение имеет также методология типологического изучения литератур.

Одна из проблем литературоведения состоит в том, чтобы четко отделить задачи исследовательские от популяризаторских.

Смешение задач исследования с задачами популяризации создает гибриды, главный недостаток которых — наукообразность. Наукообразность способна вытеснить науку или резко снизить академический уровень науки. Это явление в мировом масштабе очень опасно, так как открывает ворота в литературоведение разного рода шовинистическим или экстремистским тенденциям. Национальные границы в литературах очень шатки. Поэтому борьба за национальную принадлежность того или иного писателя, за то или иное произведение, даже просто за ценную старинную рукопись, приобретает сейчас в разных концах мира все более и более острый характер. Остановить эту борьбу за культурное наследие может только высокая наука: детальное филологическое изучение произведений литературы, текстов и их языка, доказательность и непредвзятость аргументов.

И здесь мы возвращаемся к исходному моменту наших размышлений: к вопросу о точных и неточных науках. Если литературоведение и неточная наука, то она должна быть точной. Выводы литературоведения должны обладать полной доказательной силой, а его понятия и термины отличаться строгостью и ясностью. Этого требует высокая общественная ответственность, которая лежит на литературоведении.

* * *

Сейчас, когда мы стремимся построить новую, коммунистическую культуру, нам особенно важно знать ее истоки. Новые формы культуры никогда не создаются на пустом месте, об этом говорил В. И. Ленин.

В поселке Шолоховском Ростовской области ребята создали кружок по изучению «Слова о полку Игореве» и назвали свой кружок «Боян». Они избрали меня почетным членом кружка. Завязалась переписка. Я предложил ребятам провести диспут на тему «Что дает человеку любовь к Родине?».

Я познакомился с материалами диспута и ответил ребятам: «Дорогие члены кружка «Боян»!

Присланные вами материалы диспута «Что дает человеку любовь к Родине?» интересны, и я постараюсь их использовать...

Но вот у меня к вам какой вопрос. Вы пишете, что любовь к Родине облегчает жизнь, приносит радости, счастье. И это все, безусловно, верно. Но одни ли радости приносит любовь к Родине? Не заставляет ли она иногда испытывать горе, страдать? Не приносит ли она иногда и трудности? Подумайте над этим. И почему все-таки любить Родину нужно? Заранее вам скажу: трудности в человеческой жизни неизбежны, но, имея цель, заботясь о других, а не о себе, всегда легче переносить любые трудности. Вы к ним готовы, вы не прозябаете, а действительно живете.

Любовь к Родине дает смысл жизни, превращает жизнь из прозябания в осмысленное существование».

Я люблю Древнюю Русь.

В Древней Руси было много таких сторон, которыми отнюдь не следовало бы восхищаться. Но тем не менее я эту эпоху очень люблю, потому что вижу в ней борьбу, страдания народные, попытку чрезвычайно интенсивную в разных группах общества исправить недостатки: и среди крестьянства, и среди военных, и среди писателей. Недаром в Древней Руси так была развита публицистика, несмотря на жесточайшие преследования любого проявления скрытого или явного протesta против эксплуатации и произвола. Вот эта сторона древнерусской жизни: борьба за лучшую жизнь, борьба за исправление, борьба даже просто за военную организацию более совершенную и лучшую, которая могла бы обронить народ от постоянных вторжений,— она меня и притягивает.

Знание далекого прошлого Отчизны, многострадального и героического, позволяет глубже понять, увидеть подлинные корни подвижнического, мужественного служения интересам родной земли, интересам своего народа.

Патриотизм — начало творческое, начало, которое может вдохновить всю жизнь человека: избрание им своей про-

фессии, круг интересов — все определять в человеке и все освещать.

Патриотизм — это тема, если так можно сказать, жизни человека, его творчества.

Патриотизм непременно должен быть духом всех гуманитарных наук, духом всего преподавания. С этой точки зрения мне кажется, что работа краеведов в сельской школе очень показательна. Действительно, патриотизм прежде всего начинается с любви к своему городу, к своей местности, и это не исключает

любви ко всей нашей необъятной стране. Как не исключает любовь к своей школе, скажем, любви прежде всего к своему учителю.

Я думаю, что преподавание краеведения в школе могло бы послужить основой для воспитания настоящего советского патриотизма. В последних классах школы два-три года курса краеведения, связанного с экскурсиями по историческим местам, с романтикой путешествий, были бы чрезвычайно полезны.

Я придерживаюсь того взгляда, что любовь к Родине начинается с любви к своей семье, к своему дому, к своей школе. Она постепенно растет. С возрастом она становится также любовью к своему городу, к своему селу, к родной природе, к своим землякам, а созрев, становится сознательной и крепкой, до самой смерти, любовью к своей социалистической стране и ее народу. Нельзя перескочить через какое-либо звено этого процесса, и очень трудно скрепить вновь всю цепь, когда что-нибудь в ней выпало или, больше того, отсутствовало с самого начала.

Почему я считаю интерес к культуре и литературе нашего прошлого не только естественным, но и необходимым?

На мой взгляд, у каждого развитого человека должен быть широкий кругозор. А для этого мало быть знакомым с основными явлениями и ценностями лишь своей современной национальной культуры. Необходимо понимание других культур, других национальностей, — без этого невозможно в конечном счете общение с людьми, а как это важно, каждый из нас знает по своему жизненному опыту.

Русская литература XIX в. — одна из вершин мировой культуры, ценнейшее достояние всего человечества. Как она возникла? На тысячелетнем опыте культуры слова. Древняя русская литература долго оставалась непонятной, как и живопись того времени. Подлинное признание пришло к ним сравнительно недавно.

Да, голос нашей средневековой литературы негромок. И тем не менее она поражает нас монументальностью и величием целого. В ней сильно и народное гуманистическое начало, о котором не следует никогда забывать. Она таит в себе большие эстетические ценности...

Вспомните «Повесть временных лет»... Это не только летопись, первый наш исторический документ, это выдающееся литературное произведение, говорящее о великом чувстве национального самосознания, о широком взгляде на мир, о восприятии русской истории как части истории мировой, связанной с ней неразрывными узами.

* * *

Тяга к древнерусской культуре — явление симптоматическое. Эта тяга вызвана прежде всего стремлением обратиться к своим

национальным традициям. Современная культура отталкивается от всяческого обезличивания, связанного с развитием стандартов и шаблонов: от безликого «интернационального» стиля в архитектуре, от американизирующегося быта, от постепенно выветривающихся национальных основ жизни.

Но дело не только в этом. Каждая культура ищет связей с прошлым, обращается к одной из культур прошлого. Ренессанс и классицизм обращались к античности. Барокко и романтизм обращались к готике. Наша современная культура обращается к эпохам большого гражданского подъема, к эпохам борьбы за национальную независимость, к героическим темам. Все это как раз глубоко представлено в культуре Древней Руси.

Наконец, отметим такое, казалось бы, частное, но очень важное явление. Древняя Русь привлекает наших современников эстетически. Древнерусское искусство, как и искусство народное, отличается лаконичностью, красочностью, жизнерадостностью, смелостью в решении художественных задач.

Интерес к древнерусской культуре характерен сейчас для молодежи всего мира. Книги по древнерусской культуре, литературе, искусству издаются и переиздаются повсюду. Достаточно сказать, что первые двадцать томов Трудов отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом) переизданы за рубежом дважды — в США и ФРГ. Неоднократно издаются за рубежом такие памятники, как «Повесть временных лет», «Киево-Печерский патерик», «Слово о полку Игореве», «Моление Даниила Заточника», «Житие протопопа Аввакума» и многие другие. Отмечу, что литературные памятники Древней Руси переводятся и издаются даже в Японии. В старой столице Японии Киото выходят сборники «Древняя Русь». Невозможно перечислить всех изданий и переизданий памятников Древней Руси на Западе и на Востоке.

Но наряду с объективными и ценными работами по истории древнерусской культуры на Западе нередко выходят книги, стремящиеся представить ее низшей, «неполноценной» по сравнению с культурой Запада, а то и попросту дискредитировать. Объявляются «поддельными» переписка Грозного с Курбским, Казанская история, «добираются» до сочинений замечательного публициста Ивана Пересветова и произведений Андрея Рублева.

Я за здоровый научный скептицизм. Ученый ничего не должен принимать на веру. Он должен критически относиться к устоявшимся и привычным взглядам. Но если скептицизм становится просто модой, он приносит только вред.

Усилиями советских ученых решительно опровергнуто мнение о несамостоятельном характере и низком уровне древнерусской материальной и духовной культуры. Советские ученые доказали ее высокий уровень: высокий уровень грамотности, высокий уровень развития ремесла, зодчества, живописи, политической и дипломатической практики, юридической мысли, интенсивность

культурных связей почти со всеми странами Европы. Высокое искусство может быть отмечено и в технике изготовления эмалей, черни, финифти, и в резьбе по камню, и в изготовлении книжных украшений, и в военном деле. Не подлежит никакому сомнению высокий уровень дошедших до нас произведений древней русской литературы. В достижении этого высокого уровня русская литература шла самостоятельным путем, обязана прежде всего собственным движущим силам развития.

Рождению русской литературы способствовал превосходный, гибкий и лаконичный русский язык, достигший к времени возникновения русской литературы высокого уровня развития. Богатый и выразительный русский язык был отчетливо представлен в народном творчестве, в деловой письменности, в ораторских выступлениях на вече, в суде, перед битвами, на пирах и княжеских съездах. Это был язык с обширным словарным составом, с развитой терминологией — юридической, военной, феодальной, технической; обильный синонимами, способными отразить различные эмоциональные оттенки, допускавший многообразные формы словообразования. Изумительным богатством языка отличались уже первые переводы с греческого и первые оригинальные произведения русской литературы.

Русская литература с самого своего возникновения была тесно связана с русской исторической действительностью. История русской литературы есть часть истории русского народа. Этим в первую очередь и обусловлено ее творческое своеобразие. В. Г. Белинский писал: «Так как искусство со стороны своего содержания есть выражение исторической жизни народа, то эта жизнь и имеет на него великое влияние, находясь к нему в таком же отношении, как масло к огню, который оно поддерживает в лампе, или, еще более, как почва к растениям, которым она дает питание».

Кроме всего, изучение нашего прошлого способно — и должно — обогатить современную культуру. Современное прочтение забытых идей, образов, традиций, как это часто бывает, может подсказать нам много нового. И это не словесный парадокс...

«Мода» на древнерусское перестает быть поверхностной модой, становится более глубоким и широким явлением, к которому стоит присмотреться.

Я самым решительным образом утверждаю: для того чтобы глубоко приобщиться к какой-либо из культур прошлого, нет необходимости отречься от современности, переселиться (духовно) в это прошлое, стать человеком прошлого. Это и невозможно, это и обидение себя, это и неуважение к древнерусской культуре, которая сама была обращена в будущее, искала осуществления своих идеалов не только непосредственно в настоящем, но и в отдаленном будущем. Было бы бессмысленно стремиться в прошлое, когда это прошлое само устремлялось в будущее.

Обращение к культуре прошлого — это не измена своей культуре, а дополнение и обогащение ее. Понимание чужих убеждений не есть принятие этих убеждений. Познание не есть растворение познающего в познаваемом.

Одна культура может понимать и глубоко проникать в другую. Это очень важное явление, необходимое для движения вперед. Не только целые народы и эпохи, но и отдельный человек может до конца познать другого человека, не переставая быть самим собой, а лишь обогащаясь познавательно. Мы способны понять не только другое существо, но и другую сущность, оставаясь вместе с тем ограниченными от этой другой сущности. Для меня это одно из самых удивительных и самых значительных свойств человеческого познания.

Не следует думать, что весь интерес изучения Древней Руси состоит в извлечении разного рода «уроков истории». Необходима еще простая и добросовестная работа по «воскрешению» памятников письменности, материальной культуры, сведений самого различного характера. Многое забыто, многое не изучено, а потому и неясно, многое погребено в рукописных хранилищах или под землей (яркий пример: берестяные грамоты), под новыми застройками, многое просто надо сохранить для будущих исследований и для того, чтобы эти памятники могли быть действенными участниками в строительстве современной культуры, быть нашими союзниками. Многое мы должны защищать от непонимания, от несправедливых оценок, обывательских представлений, которые, к несчастью, проникают даже в фильмы...

Наши рукописные богатства бесцennы. Мы обладаем десятками тысяч совершенно не исследованных или исследованных плохо, поверхностно русских и славянских рукописей. Любой исследователь, самый скромный, если он только добросовестен и трудолюбив, имеет возможность сделать многие и многие открытия новых списков памятников, новых памятников, новых соотношений между памятниками, раскрыть новое в истории текста и т. д. Область изучения древней русской литературы, если только это изучение начинать непосредственно с поисков в рукописных хранилищах, необыкновенно благодарна в смысле возможностей самых различных открытий. Нужда в исследователях рукописей Древней Руси очень велика, велика нужда в работниках рукописных хранилищ, музеев, нужда в заботливых исследователях.

Хотелось бы заметить: понять современность, понять современную эпоху, ее величие, ее значение можно только на огромном историческом фоне. Если мы будем смотреть на современность с расстояния десяти, двадцати, сорока или даже пятидесяти лет, мы увидим немногое. Современную эпоху можно по-настоящему оценить только в свете тысячелетий.

ОБ ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТИ

Человек должен быть интеллигентен. А если у него профессия не требует интеллигентности? А если он не смог получить образования: так сложились обстоятельства? А если окружающая среда не позволяет? А если интеллигентность сделает его «белой вороной» среди его сослуживцев, друзей, родных, будет просто мешать его сближению с другими людьми?

Нет, нет и нет! Интеллигентность нужна при всех обстоятельствах. Она нужна и для окружающих, и для самого человека.

Это очень, очень важно, и прежде всего для того, чтобы жить счастливо и долго: да, долго! Ибо интеллигентность равна нравственному здоровью, а здоровье нужно, чтобы жить долго — не только физическое, но и умственное. В народе говорят: чти отца своего и матерь свою и долголетен будешь на земле. Это относится и к целому народу, и кциальному человеку. Это мудро.

Но прежде всего определим, что такое интеллигентность, а потом — почему она связана с заповедью долголетия.

Многие думают: интеллигентный человек — это тот, который много читал, получил хорошее образование (и даже по преимуществу гуманитарное), много путешествовал, знает несколько языков.

А между тем можно иметь все это и быть неинтеллигентным, и можно ничем этим не обладать в большой степени, а быть все-таки внутренне интеллигентным человеком.

Лишите подлинно интеллигентного человека полностью его памяти. Пусть он забыл все на свете, не будет знать классиков литературы, не будет помнить величайшие произведения искусства, забудет важнейшие исторические события, но если при этом он сохранит восприимчивость к культурным ценностям, эстетическое чутье, сможет отличить настоящее произведение искусства от грубой «штуковины», сделанной только, чтобы удивить, если он сможет восхититься красотой природы, понять характер и индивидуальность другого человека, войти в его положение, а поняв другого человека, помочь ему, не проявит грубости, равнодушия, злорадства, зависти, а оценит другого по достоинству, — вот это и будет интеллигентный человек... Интеллигентность не только в знаниях, а в способностях к пониманию другого. Она проявляется в тысяче и тысяче мелочей: в умении уважительно спорить, в умении незаметно (именно незаметно) помочь другому, беречь природу, даже в привычке вести себя скромно за столом, не мусорить вокруг себя — не мусорить окурками или руганью, дурными идеями (это тоже мусор, и еще какой!).

Я знал на русском Севере крестьян, которые были по-настоящему интеллигентны. Они соблюдали удивительную чистоту в своих домах, умели ценить хорошие песни, умели рассказывать «бывальщину» (т. е. то, что произошло с ними или другими), жили упорядоченным бытом, были гостеприимны и приветли-

вы, с пониманием относились и к чужому горю, и к чужой радости.

Интеллигентность — это способность к пониманию, к восприятию, это отношение к миру и к людям.

Интеллигентность надо в себе развивать, тренировать — тренировать душевые силы, как тренируют и физические силы. А тренировка возможна и необходима в любых условиях.

Что тренировка физических сил способствует долголетию — это понятно. Гораздо меньше понимают, что для долголетия необходима и тренировка духовных и душевых сил.

Дело в том, что злобная и злая реакция на окружающее, грубость и непонимание окружающего — это признак душевой и духовной слабости, человеческой неспособности жить... Толкается в переполненном автобусе — слабый и нервный человек, измотанный, на все неправильно реагирующий. Ссорится с соседями — тоже человек, не умеющий жить. Эстетически невосприимчивый — тоже человек несчастный. Не умеющий понять другого человека, приписывающий ему только злые намерения, вечно обижающийся на других — это тоже человек, обедняющий свою жизнь и мешающий жить другим. Душевная слабость ведет к физической слабости. Я не врач, но я в этом убежден. Долголетний опыт меня в этом убедил.

Приветливость и доброта делают человека не только физически здоровым, но и красивым. Да — красивым.

Лицо человека, которое часто искажается злой, становится безобразным, а движения этого злого человека лишены изящества, не нарочитого изящества, а природного, которое гораздо дороже.

Социальный долг человека — быть интеллигентным. Это долг и перед самим собой. Это залог его личного счастья и «ауры»¹ доброжелательности вокруг него и к нему (обращенной к нему).

Все, о чем я разговариваю с молодыми читателями в этой книге, — призыв к интеллигентности, к физическому и нравственному здоровью. Будем долголетни, как люди и как народ! А почитание отца и матери следует понимать широко — как почитание всех прекрасных сторон нашего прошлого, — прошлого, которое является отцом и матерью нашей современности, великой современности, принадлежать к которой великое счастье.

НЕ БЫТЬ СМЕШНЫМ

Говорят, что содержание определяет форму. Это верно, но верно и противоположное, что от формы в известной мере зависит содержание. Поэтому поговорим о форме нашего поведения, о том, что должно войти в нашу привычку и что тоже должно стать нашим внутренним содержанием.

¹ От лат. ауга (дуновение ветерка).

Когда-то считалось неприличным показывать всем своим видом, что с вами произошло несчастье, что у вас горе. Человек не должен был навязывать свое подавленное состояние другим. Надо было и в горе сохранять достоинство, быть ровным со всеми, не погружаться в себя и быть по возможности приветливым и даже веселым. Это правило вырождалось у аристократии XIX в., и молодые люди старались вечно быть ироническими, но ирония сродни цинизму: лишь маленькое расстояние отделяет одно от другого.

Но каким веселым надо быть? Шумное и навязчивое веселье утомительно окружающим. Вечно сыпящий остротами молодой человек перестает восприниматься как достойно ведущий себя. Он становится шутом. А это худшее, что может случиться с человеком в обществе, и это означает потерю юмора.

Не будьте смешными.

Не быть смешным — это не только умение себя вести, но и признак ума.

Смешным можно быть во всем, даже в манере одеваться. Если мужчина слишком тщательно подбирает галстук к рубашке, рубашку к костюму — он смешон. Чрезмерная забота о своей наружности сразу видна. Надо заботиться о том, чтобы одеваться прилично, но эта забота у мужчины не должна переходить границ. Женщина — это другое дело. У мужчин же в одежде должен быть только намек на моду. Идеально чистая рубашка, чистая обувь и свежий, но не очень яркий галстук — этого достаточно. Костюм может быть старый — он не должен быть только безобразен и смешон. Всё!

В разговоре с другими умейте слушать, умейте помолчать, умейте редко и вовремя пошутить. Занимайте собой как можно меньше места, не старайтесь быть «душой общества».

Не мучайтесь своими недостатками, если они у вас есть. Если вы заикаетесь, не думайте, что это уж очень плохо. Заики бывают превосходными ораторами, обдумывая каждое свое слово. Лучший лектор славившегося своими красноречивыми профессорами Московского университета историк В. О. Ключевский заикался. Небольшое косоглазие может придавать значительность лицу, хромота — движениям.

Но если вы застенчивы, тоже не бойтесь этого. Не стесняйтесь своей застенчивости: застенчивость очень мила и совсем не смешна. Она становится смешной только, если вы слишком стараетесь ее преодолеть и стесняетесь ее.

Будьте просты и снисходительны к своим недостаткам. Не страдайте от них. Хуже нет, когда в человеке развивается «комплекс неполноценности», а вместе с ним озлобленность, недоброжелательность к другим людям, зависть. Человек теряет то, что в нем лучшее, — доброту.

Нет лучшей музыки, чем тишина — тишина в горах, тишина в лесу. Нет лучшей «музыки в человеке», чем скромность и уме-

ние помолчать, не выдвигаться на первое место. Нет ничего более неприятного и глупого в облике и поведении человека, чем важность или шумность, как нет ничего более смешного в мужчине, чем чрезмерная забота о своем костюме и прическе, рассчитанность движений и «фонтан острот» и анекдотов, особенно если они повторяются (а предусмотреть повторения анекдотов можно только осторожностью).

В своем поведении бойтесь быть смешным и старайтесь быть скромным, тихим.

Вот несколько советов, казалось бы, о второстепенном: о вашем поведении, о вашей внешности, но и о вашем внутреннем мире — не бойтесь своих физических недостатков. Относитесь к ним с достоинством, и вы будете элегантны.

У меня есть знакомая девушка, чуть горбатая. Честное слово: я не устаю восхищаться ее изяществом в тех редких случаях, когда встречаю ее на вернисажах в музеях (там все встречаются — потому-то они и праздники культуры).

И еще одно, и самое, может быть, важное: будьте правдивы. Стремящийся обмануть других прежде всего обманывается сам. Он наивно думает, что ему поверили, а окружающие на самом деле были просто вежливы или у них не было против вас «прямых улик». Но ложь всегда выдает себя, ложь всегда «чувствуется», и вы не только становитесь противны, хуже — вы смешны.

Не будьте смешны! Правдивость же красива, даже если вы признаетесь, что обманули перед тем по какому-либо случаю, и объясните, почему это сделали. Этим вы исправите положение. Вас будут уважать, а вы покажете свой ум.

Простота и «тишина» в человеке, правдивость, отсутствие претензий в одежде и поведении — вот самая привлекательная «форма» в человеке, которая становится и его самым элегантным «содержанием».

БОЛЬШОЕ В МАЛОМ

В материальном мире нельзя поместить большое в малом. Однако в духовной сфере, в сфере культурных ценностей это не так: в малом можем поместить большое, а в большом, если поместим слишком малое, — оно просто перестанет существовать как нечто большое, ценное и значительное.

Большое содержание проявляется в любой мелочи, и его значительность и ценность не умаляются от того, что оно проявило себя в малом. Добрый человек не станет менее добр от того, что его доброта проявляется в мелочах. Напротив, именно незаметная доброта — самая, может быть, красивая, самая нужная в обыденной жизни.

Если человек имеет перед собой большую цель в жизни, то

необходимо, чтобы она проявлялась во всем. Человек должен быть честен в незначительном и случайном: только тогда он найдет себе честный путь и в большом, в исполнении своего основного человеческого долга. Большая, мудрая цель в жизни охватывает собой все поведение человека, и тогда нет разрыва между целью и средствами, которыми человек идет к своей цели. Поговорка «Цель оправдывает средства» — совершенно неверна, она оправдывает безнравственные поступки. Вспомните роман Достоевского «Преступление и наказание». Достоевский гениально показал, что нельзя идти к высокой цели через преступление. Цель и путь к цели едины, ибо весь путь состоит из достижения малых целей, в малых целях должна быть полностью отражена большая цель человеческой жизни. Она должна захватывать собой всего человека, пронизывать собой все его поступки, войти в «стиль его поведения».

Видеть большое в малом, воплощать в малом большое — особенно важно в науке. Если ученый забывает о главной и большой цели науки — добиваться истины и начинает уклоняться к «малым целям»: эффектным выводам, оправдываемым тем, что это «рабочая гипотеза», начинает подтасовывать факты («все равно, мол, это так, а мне надо убедить людей»), допускает неряшливости в малом, чтобы поскорей достигнуть больших конечных результатов, — научная истина рано или поздно отступит на второй план и сам ученый в конце концов перестанет быть ученым. Большие поиски истины должны начинаться в малом.

МОЛОДОСТЬ — ЭТО ВСЯ ЖИЗНЬ

Когда я учился в школе, мне казалось — вот вырасту, и все будет иным. Я буду жить среди каких-то иных людей, в иной обстановке, и все вообще будет иначе. Будет другое окружение, будет какой-то иной, «взрослый» мир, который не будет иметь ничего общего с моим школьным миром. А в действительности оказалось иначе. Вместе со мной вступили в этот «взрослый» мир и мои товарищи по школе, а потом и по университету. Окружение менялось, но ведь оно менялось и в школе, а в сущности оставалось тем же. Репутация моя как товарища, человека, работника оставалась со мной, перешла в тот иной мир, о котором мне мечталось с детства, и если менялась, то вовсе не начиналась заново.

Я помню, что и у моей матери самыми лучшими подругами до конца ее долгой жизни оставались ее школьные подруги, а когда они отходили «в иной мир», замены им не было. То же и у моего отца — его друзья были друзьями его молодости. Во взрослом состоянии приобрести друзей оказалось трудно. Именно в молодости формируется характер человека, формируется и круг его наилучших друзей — самых близких, самых нужных.

В молодости формируется не только человек — формируется вся его жизнь, все его окружение. Если он правильно выберет себе друзей, ему будет легче жить, легче переносить горе и легче переносить радость. Радость ведь также надо «перенести», чтобы она была самой радостной, самой долгой и прочной, чтобы она не испортила человека и дала настоящее душевное богатство, сделала человека еще более щедрым. Радость, не разделенная с задушевными друзьями, — не радость.

Храните молодость до глубокой старости. Храните молодость в своих старых, но приобретенных в молодости друзьях. Храните молодость в своих навыках, привычках, в своей молодой «открытости к людям», непосредственности. Храните ее во всем и не думайте, что взрослым вы станете «совсем, совсем иным» и будете жить в другом мире.

И помните поговорку: «Береги честь смолоду». Уйти совсем от своей репутации, созданной в свои школьные годы, нельзя, а изменить ее можно, но очень трудно.

Наша молодость — это и наша старость.

ЦЕЛЬ И САМООЦЕНКА

Когда человек сознательно или интуитивно выбирает себе в жизни какую-то цель, жизненную задачу, он вместе с тем невольно дает себе оценку. По тому, ради чего человек живет, можно судить и о его самооценке — низкой или высокой.

Если человек ставит перед собой задачу приобрести все элементарные жизненные блага, он и оценивает себя на уровне этих материальных благ: как владельца машины последней марки, как хозяина роскошной дачи, как часть своего мебельного гарнитура...

Если человек живет, чтобы приносить людям добро, облегчать их страдания при болезнях, давать людям радость, то он оценивает себя на уровне своей человечности. Он ставит перед собой цель, достойную человека.

Только сверхличная цель позволяет человеку прожить свою жизнь с достоинством и получить настоящую радость. Да, радость! Подумайте: если человек ставит себе задачей увеличивать в жизни добро, приносить людям счастье, — какие неудачи могут его постигнуть! Не тому помог, кому следовало бы? Но много ли людей не нуждаются в помощи. Если ты врач, то, может быть, поставил больному неправильный диагноз? Такое бывает и у самых лучших врачей. Но в сумме ты помог все-таки больше, чем не помог. От ошибок никто не застрахован. Но самая главная ошибка, ошибка роковая — неправильно выбранная главная задача в жизни. Не повысили в должности — огорчение. У кого-то лучшая мебель или лучшая машина — тоже огорчение, и еще какое!

Ставя себе задачей карьеру или приобретательство, человек

испытывает гораздо больше огорчений, чем радостей, и рискует потерять все. А что может потерять человек, который радовался каждому своему добруму делу? Важно только, чтобы добро, которое человек делает, было бы его внутренней потребностью, шло от сердца, а не только от головы, не было бы «принципом», лишенным чувства доброты.

Поэтому главной жизненной задачей должна быть обязательно задача сверхличностная, а не эгоистичная. Она должна диктоваться добротой к людям, любовью к семье, к своему городу, к своему народу, к своей социалистической стране, к ее великому прошлому, ко всему человечеству.

Означает ли это, что человек должен жить как аскет, не заботиться о себе, ничего не приобретать и не радоваться повышению в должности? Отнюдь нет! Человек, который совсем не думает о себе, — явление ненормальное и мне лично неприятное: в этом есть какой-то надлом, какое-то преувеличение в себе своей доброты, бескорыстия, значительности. В этом есть какое-то своеобразное презрение к людям, стремление выделиться.

Я говорю лишь о главной жизненной задаче. А эту главную жизненную задачу не надо подчеркивать в глазах остальных людей. И одеваться надо хорошо (это уважение к людям), но не обязательно «лучше других», и библиотеку себе надо составлять, и машину хорошо приобрести для себя и для семьи. Только не надо превращать второстепенное в первостепенное, и не надо, чтобы главная цель жизни изнуряла тебя там, где не нужно. Когда это понадобится — другое дело. Там посмотрим — кто и к чему способен.

ИСКУССТВО ОТКРЫВАЕТ НАМ БОЛЬШОЙ МИР!

Величайшая и ценнейшая черта русской культуры состояла в ее мощи и доброте, которой всегда обладает мощное, по настоящему мощное начало. Именно поэтому русская культура смогла смело освоить, органически включить в себя начала греческие, скандинавские, угро-финские, тюркские и т. д. Русская культура — открытая культура, культура добрая и смелая, все принимающая и все творчески осмысливающая.

Таким был и русский из русских Петр I. Он не побоялся перенести столицу ближе к Западной Европе, сменить костюм русских людей, переменить многие обычай. Ибо не во внешнем суть культуры, а в ее внутреннем интернационализме, высокой культурной терпимости.

Советская культура смогла стать в первые ряды культур мира благодаря этим традициям гибкой и высокоинтеллектуальной культуры России. В советском искусстве соединяются под эгидой русской широты и русского «гостеприимства» культуры многих национальностей. И не только соединяются, а цветут! В совет-

ском искусстве находят себе место многие течения и многие творческие индивидуальности. Наша культура не деспотична, она не требует причесок «под одну гребенку». В ней разные художники. Разные художники (французы, армяне, греки, шотландцы) были в русской культуре всегда и будут в ней всегда — в нашей великой, широкой и гостеприимной культуре. Узость и деспотизм никогда не совьют в ней прочного гнезда.

Картины галереи должны быть пропагандистами этой широты. Будем верить нашим искусствоведам, доверять им, даже если чего-то мы не понимаем (не всякий ведь понимает Баха или Стравинского в музыке).

Ценность замечательных художников в том, что они «разные», т. е. способствуют развитию в нашей социалистической культуре ее разнообразия.

Будем любить все русское, исконно русское, будем любить, скажем, Вологду и фрески Дионисия, но будем неустанно учиться ценить и то, что давала и будет еще давать мировая прогрессивная культура и что таится нового в нас самих. Не будем бояться нового и не будем с порога отшибать все, что мы еще не поняли.

Нельзя в каждом новом по своему методу художнике видеть мошенника и обманщика, как это часто делают малоосведомленные люди. За разнообразие, богатство, сложность, «гостеприимство», широту и интернационализм нашей советской культуры и искусства будем ценить и уважать то прекрасное дело, которое делают картинные галереи, знакомя нас с разным искусством, развивая наш вкус, нашу духовную восприимчивость.

Понимать математику — надо учиться.

Понимать музыку — надо учиться.

Понимать живопись — тоже надо учиться!

УЧИТЬСЯ ПОНИМАТЬ

Когда я был в Лондоне, среди прочего множества впечатлений получил и такое: «киновпечатление». Точнее даже сказать, впечатления об организации кинозрелищ в Англии. На афишах и плакатах, извещающих доверчивых зрителей о том, что тот или иной фильм они могут посмотреть в том или ином кинотеатре, обыденно и привычно значились некие отметки: какой фильм для кого и для чего. Ну, скажем, если вас потянуло развлекаться или, усевшись против экрана, погрезить красавицей дворцовой суэты мушкетеров и дам их сердец, то отметка, закорючка на афише картины Ингмара Бергмана или Федерико Феллини скажет вам: это не то, вам в вашем настроении ходить не следует. Подобные значки мигают и на рекламах массоводоступных кинофильмов, упреждая идущих в кино о степени «интимности» произведения. Ну и так далее, словно бы на извилистом шоссе повсюду знаки: как ехать, и вообще стоит ли? Не лучше ли пешком?

Я не напрасно обратился к этим, казалось бы, не первой важности зарубежным киновпечатлениям. Мне действительно думается, что «опознавательные» символы на рекламах фильмов нужны и нам, разумеется в адаптированном виде. Ведь отечественное кино, разумеется, неоднородно. Причем под этим я понимаю не только жанровое разнообразие: комедия, драма, детектив и прочее. И не внутрижанровые вариации, как, скажем, комедии характеров и эксцентрические — Эльдара Рязанова, Георгия Данелии и Леонида Гайдая. Это-то как раз отмечается кинорекламой, да и просто в «транспортных» разговорах: «Сходи посмотри — смешно! Там как пры-ы-ыг-нут! Ах!..»

Что же я имею в виду под неоднородностью?

Прежде всего, скажу о том, что я не имею в виду: различность качества. Есть удачи, есть неудачи, есть просто-таки безысходные ленты, где уж не до глубины эмоций и парения разума, куда там!

Я имею в виду неоднородность, обусловленную различностью эстетик тех или иных режиссеров, непохожестью их способов беседы с миром — при любом жанре. Чтобы не раствориться в различных определениях, я начну говорить о фильмах, об образцах неоднородности, причем заранее оговорив свою любовь к этим двум фильмам. Только перед тем минутно отвлекусь к незамысловатой аналогии — с поэзией. Несравнимы Борис Пастернак и Александр Твардовский. И уж потом они будут различаться в некоторых идеях, аспектах мировоззрений, а прежде всего — формально, шире — эстетически. По связям внутри стихов. Если Твардовский пользовался связями привычно логическими, то Пастернак — ассоциативными. Подчас восприятие ассоциативной поэзии Пастернака сложнее, требует общей подготовленности, хотя Твардовского я тоже люблю. Но это совсем разные поэзии и обе прекрасные.

Так же и в кино.

Два фильма — «Начало» Глеба Панфилова и «Солярис» Андрея Тарковского. Не в моих задачах сейчас подвергать критическому разбору эти кинопроизведения, да и стоит ли делать это теперь, когда фильмы уже получили широкое освещение в прессе? К тому же каждый из названных режиссеров сегодня уже выпустил или завершил работу над новыми лентами.

Я же хочу взглянуть не только на экран из зрительного зала, а и на сам зрительный зал. Вот ведь наглядный факт (я, правда, не могу опереться на статистику, а лишь опираюсь на рассказы друзей и знакомых и на свои непосредственные впечатления): некоторые с середины сеанса, на котором демонстрировался «Солярис», ушли. Отчего?

Оба фильма, о которых пошла речь (я для себя, безусловно), отношу к образцам интеллектуального кинематографа, говорящего о сложных проблемах, сложных характерах, зовущего зрителя в серьезные, умные соавторы, приглашающего к мысли,

мышлению... Но, видимо, существует еще киноязык, на котором судит и высказывается о вещах режиссер.

Язык Панфилова прост, прозрачен, литературен. Это, разумеется, не означает некой штампованнысти речи — о Панфилове так не скажешь. И фильмы его — по глубине эмоций, по мысли, по интонации — бесспорно, высокоинтеллектуальны; и героини прекрасной актрисы Инны Чуриковой при всей их внешней обаятельной простоте всегда личности, всегда воплощают мировоззрения, всегда сложны. С фильмов Панфилова, как правило, не уходят. (Я не беру во внимание аспект «нравится — не нравится» направление работы режиссера тому или иному зрителю, который, скажем, может вовсе не пойти в кино смотреть «Начало», дело вкуса.) Фильмы Панфилова, как правило, широкодоступны, понятны почти любой аудитории. Это, повторяю, не зачеркивает наличие психологических и проблемных глубин (кстати, постигаемых разными людьми по-разному), это говорит о киноязыке: он прост. Интеллектуальный труд панфиловского зрителя — в постижении образов, проблем...

Но при встрече с Тарковским нам необходимо привыкнуть к его языку, к манере выражаться; необходимо подготовиться к восприятию, на раннем этапе знакомства даже прибегая к «расшифровке» отдельных кусков произведения.

...Но вот кто-то покинул кинозал, кто-то потянулся за ним, покинувшим; вот еще... И кто-то сказал, уходя: «Чепуха, бред...», — отказывая произведению в искренности, в праве на существование.

Этот «кто-то» сильно ошибся. Произведение истинно. Но, быть может, оно нуждается в зрительской подготовленности, образованности...

Университет — будь он для химиков, физиков, математиков, филологов, юристов — учит всегда многомерности жизни и творчества, учит терпимости к непонятному и попытке постигнуть бескрайнее, сначала не во всем доступное, разнообразное.

Есть геометрия Евклида, а есть — Лобачевского. Химия не делит атом, и его изначальность — закон этой науки. А физика расщепляет атомное ядро...

Человек, приучивший себя к пониманию многомерности и многообразия творчества, не стал бы, думаю, уходить с сеанса, где демонстрируется, скажем, «Солярис». Во всяком случае (если исключить момент «не нравится»), не отказал бы картине в истинности и праве на существование в искусстве, несмотря на то, что язык ее, а следовательно, и то, что на языке сказано, казался бы непонятным.

Конечно же, сама необычность языка не требует образованности и, пуще, специальной учености. Она, думаю, требует скорее постепенного вхождения, привыкания, общей интеллигентности. Так мы привыкали к Маяковскому, писавшему: «Багровый и белый отброшен и скомкан...»

Здесь я хотел бы позволить себе небольшое отступление, коль скоро в мои заметки уже однажды явилось слово *образование*. С этим понятием я связываю будущее общества, вселяющее надежды будущее. Нередко мне приходилось слышать, как самые разные люди упрекали кое-кого из молодежи в том, что, получив высшее образование, молодые люди не шли работать по новой профессии, а продолжали трудиться на заводах в качестве рабочих, в сфере обслуживания и т. д. В основном упреки содержали в себе элемент какой-то склонности: «Зачем же тогда получал образование, если не используешься по профессии?» Но разве бесследно проходит высшее образование для человека? Для его души? Разве не нравственнее, интеллигентнее становится человек, серьезнейшим образом изучивший выдающиеся произведения мировой и отечественной классики, будь то философия или художественная литература?

И, обращаясь вновь к кино, я хотел бы задать вопрос: верно ли все же избирать в собеседники своей картине высокообразованных, подготовленных людей?

У нас нет и не может быть элитарного искусства. Но произведения — я убежден в этом — могут быть адресованы не только бесконечно широкому кругу публики, но и зрителям, стоящим на определенно высокой ступени интеллектуального развития. Причем подобные произведения должны и способны количественно увеличить интеллектуальную аудиторию, в этом их необходимая и прекрасная просветительская миссия.

И вот я возвращаюсь к значкам на рекламах: может, и не нужно их совсем? Все же, думаю, нужно: пусть завтрашний зритель войдет однажды в зал кинотеатра чуть более собранным и сосредоточенным, заранее зная об уровне фильма...

Мне нравится слово, которым любил пользоваться, говоря о творчестве, Михаил Светлов: *беседа*. Искусство — это и есть, наверное, беседа: с людьми, с самим собой, со своей совестью и совестью мира, времени... Порой предмет беседы отвлеченно-вечен: любовь мужчины к женщине, просто некоего мужчины к некоей женщине. Порой же беседа превращается в спор, нервическую полемику, стимулируемую острой и капризной, все время пульсирующей злободневностью. И тогда проявляются черты заостренной публицистичности искусства.

Мне хочется еще поговорить и на такую тему: о чем беседует сегодняшний кинематограф со зрителями? Конечно же, о многом, об очень важном, и это естественно. Но, вероятно, есть мотив дня, который преобладает. Широко его можно было бы определить как победу поисков человеком своего места и стиля поведения в созидающем обществе, а если говорить конкретнее: о проявлениях личности в работе. На экран пришло множество управляющих трестами, директоров заводов и школ, генеральный конструктор и знаменитый ученый, бригадир на стройке и молодой председатель колхоза. После появления пьесы Игнатия Дворецкого «Че-

ловек со стороны» и ее киноверсии «Здесь наш дом» деловые люди прочно освоились на экране. Были на этом пути удачи, больше (а это, естественно, вначале) неудач.

Тенденция же очевидна. К моему сожалению, названия многих подобных лент, виденных в основном по телевидению, не упомнились, и слова мои могутозвучать несколько общо, но это ли главное, когда пытаешься постигнуть суть вопроса в целом?

Не могу согласиться с некоторыми чертами, отличающими поток фильмов так называемой производственной темы. Я имею в виду нарочитую резкость, часто просто грубость, иногда неуместную жестокость и жестокость самих героев — деловых людей — с коллективом. Любопытно, что во многих картинах подобные качества словно бы из некоей служебной необходимости вымучиваются персонажами, скрывая, потопляя противоположные: мягкость, доброту — якобы ради успеха дела!

Грубость и крик не выход из положения, обыкновенно они — признак сомнения в своей правоте, сомнения, подавляемого какой-то, я бы сказал, суевиностью в решении сложных вопросов. И начальники с экрана все кричат и кричат...

Не все, конечно, но, к несчастью, кажется, в большинстве. И это становится чуть ли не эталоном стиля поведения руководителя, проявлением его внутренней силы. Создается ощущение, что фильмы о производстве каким-то образом подспудно культивируют подобную «силу». Благо еще (хотя и это весьма спорно) если бы силу, но зададимся вопросом: действительно ли ее? Быть может, мы, зрители, столкнулись здесь со страшно ошибочной мимикрией силы воли? Крик, суета, стук по столу, грубость, давление в себе мягкости — разве это сила?

Я не возьму на себя смелость даже решать проблему, пусть уж она останется в нынешнем виде — лишь намеченной. Но хотелось бы, чтобы над ней подумали авторы фильмов и их публика.

Я же еще об одном аспекте проблемы: силе не ложной.

Чешков, герой И. Дворецкого, не ложен, я в этом уверен. И есть немало его последователей по-человечески настоящих: они не гримасничают, выдавая желание рубить сплеча за цельность натуры. Это плеяда деловых людей и явилась, думается, героями кинематографа семидесятых. Во многом ее появление необходимо, обусловлено и временем, и ситуацией в стране. Все так, но...

Но, видите ли, просто маловато, просто недостаточно нам, пришедшем в кинотеатр, только такого типа героев. И недостаточно для нас, выходящих после сеанса в жизнь, только такого типа героев в жизни. Конечно же, я выражаю мысли весьма спорные, но, не претендую быть единодушно принятым, я предлагаю просто задуматься, поразмыслить над тем, что дал нам сегодняшний кинематограф и что не уместилось в моих беглых за-

метках, да и не могло уместиться, ибо наше отечественное кино богато, интересно, многогранно. А это последнее, думаю, как раз бесспорно.

УЧИТЬСЯ ГОВОРИТЬ И ПИСАТЬ

Прочтя такой заголовок, большинство читателей подумает: «Этим я занимался в раннем детстве!» Нет, учиться говорить и писать нужно все время. Язык — самое выразительное, чем человек обладает, и если он перестанет обращать внимание на свой язык, а станет думать, что он овладел им уже в достаточной мере, он станет отступать. За своим языком — устным и письменным — надо следить постоянно.

Самая большая ценность народа — его язык, язык, на котором он пишет, говорит, думает. Думает! Это надо понять досконально, во всей многозначности и многозначительности этого факта. Ведь это значит, что вся сознательная жизнь человека проходит через родной ему язык. Эмоции, ощущения только окрашивают то, о чем мы думаем, или подталкивают мысль в каком-то отношении, но мысли наши все формулируются языком.

О русском языке как языке народа писалось много. Это один из совершеннейших языков мира, язык развивавшийся в течение более тысячелетия, давший в XIX в. лучшую в мире литературу и поэзию. Тургенев говорил о русском языке: «...нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»

Речь в этой моей заметке пойдет не о русском языке вообще, а о том, как этим языком пользуется тот или иной человек.

Вернейший способ узнать человека — его умственное развитие, его моральный облик, его характер — прислушаться к тому, как он говорит.

Итак, есть язык народа как показатель его культуры и язык отдельного человека как показатель его личных качеств, — качеств человека, который пользуется языком народа.

Если мы обращаем внимание на манеру человека себя держать, его походку, его поведение, на его лицо и по ним судим о человеке, иногда, впрочем, ошибочно, то язык человека гораздо более точный показатель его человеческих качеств, его культуры.

А ведь бывает и так, что человек не говорит, а «плюется словами». Для каждого расхожего понятия у него не обычные слова, а жаргонные выражения. Когда такой человек с его «словами-плевками» говорит, он хочет показать, что ему все наплевать, что он выше, сильнее всех обстоятельств, умнее всех окружающих, над всем смеется, ничего не боится.

А на самом деле он потому и обзывает своими циничными выражениями и насмешливыми прозвищами те или иные предметы, людей, действия, что он трус и робок, неуверен в себе.

Посмотрите, послушайте, о чем такой «храбрец» и «мудрец» цинично отзыается, в каких случаях он обычные слова заменяет «словами-плевками»? Вы сразу заметите, что это все то, что его страшит, от чего он ждет неприятностей себе, что не в его власти. У него будут «свои» слова для денег, для заработков — законных и особенно незаконных,— для всякого рода махинаций, циничные прозвища людей, которых он боится (бывают, впрочем, прозвища, в которых люди выражают свою любовь и ласку к тому или иному человеку — это другое дело).

Я этим вопросом специально занимался, поэтому, поверьте мне, я это знаю, а не просто предполагаю.

Язык человека — это его мировоззрение и его поведение. Как говорит, так, следовательно, и думает.

И если вы хотите быть по-настоящему интеллигентным, образованным и культурным человеком, то обращайте внимание на свой язык. Говорите правильно, точно и экономно. Не заставляйте окружающих выслушивать свои длинные речи, не красуйтесь в своем языке: не будьте самовлюбленным болтуном.

Если вам приходится часто публично выступать,— на собраниях, заседаниях, просто в обществе своих знакомых,— то, прежде всего, следите, чтобы ваши выступления не были длинными. Следите за временем. Это необходимо не только из уважения к окружающим — это важно, чтобы вас поняли. Первые пять минут — слушатели могут вас слушать внимательно; вторые пять минут — они вас еще продолжают слушать; через пятнадцать минут — они только делают вид, что слушают вас, а на двадцатой минуте — перестают делать вид и начинают перешептываться о своих делаах, а когда дойдет до того, что вас прервут или начнут друг другу что-нибудь рассказывать,— вы пропали.

Второе правило. Чтобы выступление было интересным, все, что вы говорите, должно быть интересным и для вас. Можно даже читать доклад, но читайте его с интересом. Если выступающий с интересом для себя рассказывает или читает и аудитория это чувствует, то и слушателям будет интересно. Интерес не создается в аудитории сам,— интерес внушается аудитории выступающим. Конечно, если тема выступления неинтересна, из попыток внушить интерес слушателям ничего не выйдет.

Постарайтесь так, чтобы в вашем выступлении не было просто цепи разных мыслей, а чтобы была одна, главная мысль, которой должны быть подчинены все остальные. Тогда вас будет легче слушать, в вашем выступлении окажется тема, интрига, появится «ожидание конца», слушатели будут догадываться — к чему вы ведете, в чем вы их хотите убедить — и будут с интересом слушать и ждать, как вы сформулируете в конце вашу основную мысль.

Это «ожидание конца» очень важно, и его можно поддерживать чисто внешними приемами. Например, выступающий два три раза говорит в разных местах своем выступлении: «Я еще об

этом скажу», «Мы еще к этому вернемся», «Обратите внимание на...» и т. д.

А уметь хорошо писать нужно не только писателю и ученому. Даже хорошо, свободно и с известной долей юмора написанное письмо другу характеризует вас не меньше, чем ваша устная речь. Через письмо дайте почувствовать себя, свое расположение духа, свою раскованность в обращении к симпатичному вам человеку.

Но как научиться писать? Если научиться хорошо говорить; надо, постоянно обращая внимание на речь свою и других, записывая иногда удачные выражения, точно выражающие мысль, существо дела, то, чтобы научиться писать,— надо писать, писать письма, дневники. (Дневники следует вести с юных лет, потом они будут вам просто интересны, а в момент их написания вы не только учитесь писать — вы невольно отчтываетесь в своей жизни, обдумываете то, что с вами было и как вы поступили). Одним словом: «Чтобы научиться ездить на велосипеде, надо ездить на велосипеде».

ЛЮБИТЕ ЧИТАТЬ!

Замечали ли вы, какое большое впечатление производят те произведения литературы, которые читаются в спокойной, неторопливой и несуетливой обстановке.

Литература дает вам колossalный, обширнейший и глубочайший опыт жизни. Она делает человека интеллигентным, развивает в нем не только чувство красоты, но и понимание,— понимание жизни, всех ее сложностей, служит вам проводником в другие эпохи и к другим народам, раскрывает перед вами сердца людей,— одним словом, делает вас мудрым. Но все это дается вам только тогда, когда вы читаете, вникая во все мелочи. Ибо самое главное часто кроется именно в мелочах. А такое чтение возможно только тогда, когда вы читаете с удовольствием, не потому, что то или иное произведение надо прочесть (по школьной ли программе или по велению моды и тщеславия), а потому, что оно вам нравится — вы почувствовали, что автору есть что сказать, есть чем с вами поделиться и он умеет это сделать. Если первый раз прочли произведение невнимательно,— читайте еще раз, в третий раз. У человека должны быть любимые произведения, к которым он обращается неоднократно, которые знает в деталях, о которых может напомнить в подходящей обстановке окружающим и этим то поднять настроение, то разрядить обстановку (когда накапливается раздражение друг против друга), то посмешить, то просто выразить свое отношение к произшедшему с вами или с кем-либо другим.

Бескорыстному чтению научил меня в школе мой учитель литературы. Я учился в годы, когда учителя часто вынуждены были

отсутствовать на уроках,— то они рыли окопы под Петроградом, то должны были помочь какой-либо фабрике, то просто болели. Леонид Владимирович (так звали моего учителя литературы) часто приходил в класс, когда другой учитель отсутствовал, непринужденно садился на учительский столик и, вынимая из портфеля книжки, предлагал нам что-нибудь почитать. Мы знали уже, как он умел прочесть, как он умел объяснить прочитанное, посмеяться вместе с нами, восхититься чем-то, удивиться искусству писателя. Так мы прослушали многие места из «Войны и мира», несколько рассказов Мопассана, былину о Соловье Будимировиче, другую былну — о Добрыне Никитиче, «Повесть о Горе Злачстии», басни Крылова, оды Державина и многое, многое другое. Я до сих пор люблю то, что слушал тогда, в детстве. А дома отец и мать любили читать вечерами. Читали для себя, а некоторые понравившиеся места читали и для нас. Читали Лескова, Мамина-Сибиряка, исторические романы, что нравилось им, то постепенно начинало нравиться и нам. «Незаинтересованное», но интересное чтение — вот что заставляет любить литературу и что расширяет кругозор человека.

Умейте читать не только для школьных ответов и не только потому, что ту или иную вещь читают сейчас все — она модная. Умейте читать с интересом и не торопясь.

Почему телевизор вытесняет сейчас книгу? Да потому, что телевизор заставляет вас не торопясь просмотреть какую-то передачу, сесть поудобнее, чтобы вам ничего не мешало. Он вас отвлекает от забот, он вам диктует, как смотреть и что смотреть. Но постарайтесь выбирать книгу по своему вкусу, отвлекитесь на время от всего на свете, сядьте с книгой поудобнее и вы поймете, что есть много книг, без которых нельзя жить, которые важнее и интереснее, чем многие передачи. Я не говорю: перестаньте смотреть телевизор. Но я говорю: тратьте свое время на то, что достойно этой траты. Смотрите с выбором. Читайте же больше и читайте с величайшим выбором. Обретите сами этот свой выбор и никому не подчиняйтесь в выборе чтения, кроме той силы, которую приобрела в истории человеческой культуры книга классическая. Это значит, что в ней что-то существенное есть. Да, может быть, это существенное для культуры человечества окажется существенным и для вас. Классическое произведение — то, которое выдержало испытание временем. С ним вы не потеряете своего времени. Но классика не может ответить вам на все вопросы сегодняшнего дня. Поэтому надо читать и современную литературу. Не бросайтесь только на каждую модную книгу. Не будьте суэтны. Суэтность заставляет человека безрассудно тратить самый большой и самый драгоценный капитал, которым он обладает,— свое время.

О МОЕМ УЧИТЕЛЕ

Леонид Владимирович Георг принадлежал к тем лучшим старым «учителям словесности» в наших гимназиях и реальных училищах XIX и начала XX в., которые были подлинными «властителями дум» своих учеников и учениц, окружавших их то серьезною любовью, то девчоночным обожанием.

Именно эти старые «учителя словесности» формировали не только мировоззрение своих учеников, но воспитывали в них вкус, добрые чувства к народу, интеллектуальную терпимость, интерес к спорам по мировоззренческим вопросам, иногда интерес к театру (из московских Леонид Владимирович любил Малый театр), к музыке.

Леонид Владимирович обладал всеми качествами идеального педагога. Он был разносторонне талантлив, умен, остроумен, находчив, всегда равен в обращении, красив внешне, обладал задатками актера, умел понимать молодежь и находить педагогические выходы в самых иногда затруднительных для воспитателя положениях.

Расскажу об этих его качествах.

Его появление в коридоре, на перемене, в зале, в классе, даже на улице — было всегда заметно. Он был высок ростом, с лицом интеллигентным и чуть насмешливым, но при этом добрым и внимательным к окружающим. Белокурый, со светлыми глазами, с правильными чертами лица, он сразу привлекал к себе. На нем всегда хорошо сидел костюм, хотя я никогда не помню его в чем-либо новом: времена были тяжелые (я учился у него в 1918—1923 годах), и где было взять это новое из скромного учительского жалованья!

Мягкость и изящество в нем доминировали. Ничего агрессивного не было и в его мировоззрении. Ближе всего он был к Чехову — его любимому писателю, которого он чаще всего читал нам на своих «заместительских уроках» (т. е. уроках, которые он давал вместо своих часто хворавших тогда товарищей-педагогов).

Эти «заместительские уроки» были его маленькими шедеврами. Он приучал нас на этих уроках к интеллектуальному отношению к жизни, ко всему окружающему. О чем только не говорил он с нами на них! Он читал нам своих любимых писателей: по преимуществу я помню его чтение «Войны и мира», пьес Чехова («Чайки», «Трех сестер», «Вишневого сада»), рассказов Мопассана, былин «Добрыня Никитич» и «Соловей Будимирович» («Добрыню Никитича» Леонид Владимирович читал и на родительском собрании для родителей — их он также «воспитывал»), «Медного всадника», «Жизни Званской...» Державина... Всего не перечислишь. Леонид Владимирович приходил в класс с французскими текстами и показывал нам, как интересно учить французский язык: он разбирал рассказы Мопассана, рылся при нас

в словарях, подыскивал наиболее выразительный перевод, восхищался теми или иными особенностями французского языка. И он уходил из класса, оставляя в нас любовь не только к французскому языку, но и к Франции. Стоит ли говорить, что все мы после этого начинали, как могли, изучать французский. Урок этот был весной, и помню, что я все лето потом занимался только французским... На иных из своих «заместительских уроках» он рассказывал нам о том, как слушал народную сказительницу Кривополенову, показывал нам, как она пела, как говорила, как делала во время пения свои замечания. И мы все вдруг начинали понимать эту русскую бабушку, любить ее и завидовали Леониду Владимировичу, что он ее видел, слышал и даже разговаривал с ней.

Но самыми интересными темами этих «заместительских уроков» были темы о театре. Еще до выхода в свет знаменитой книги К. С. Станиславского «Моя жизнь в искусстве» он нам рассказывал о теории Станиславского, последователем которой он был не только в своей актерской практике, но и в педагогике. Его рассказы о постановках и знаменитых актерах как-то органически переходили в занятия по той или иной пьесе, которую он великолепно ставил с учениками в школе. «Маленькие трагедии» Пушкина были его огромным успехом, не только как педагога, не только как великого режиссера (я не побоюсь назвать его именно «великим»), но и как художника-декоратора. Вместе с помогавшими ему учениками он создавал из цветной бумаги необычайно лаконичные декорации к своим постановкам. Помню в «Каменном госте» черные или какие-то очень темные (зеленые? синие?) кипарисы, в виде остроконечных конусов, белую колонну в каком-то интерьере, тоже вырезанную из бумаги, которую мой отец добывал ему из «отходов» на печатном дворе, где мы тогда жили.

Помню, как он воспитывал в своих учениках актеров. Это был именно его прием — прием режиссера-воспитателя. Он заставлял своих актеров носить костюм своей роли в обыденной жизни. На уроках сидел Дон Жуан, загrimированный, в испанском костюме и со шпагой, сидела Донна Анна в длинном платье. А на переменах они гуляли и даже бегали, но только так, как должен был бы бегать Дон Жуан или Донна Анна в какой-то сложной воображаемой ситуации (актер должен был играть все время, но если он хотел порезвиться или сделать что-либо необычное для своей роли, — он обязан был придумать мотивировку, создать себе соответствующую «ситуацию»). Носить платье Леонид Владимирович учил прежде всего, прежде, чем входить в роль. Актер должен был чувствовать себя совершенно свободно в плаще, в длинной юбке, свободно играть шляпой, уметь ее небрежно бросить на кресло, легко выхватить шпагу из ножен. Незаметно Леонид Владимирович следил за таким костюмированным учеником и умел его поправить одним или двумя

замечаниями, сделанными всегда тактично и с необыкновенным юмором.

Леонид Владимирович был поклонником психолога Джемса. Помню, как хорошо объяснял он нам положение Джемса — «Мы не от того плачем, что нам грустно, но потому нам грустно, что мы плачем». И это положение он сумел применить в своей педагогической практике. Одному крайне застенчивому мальчику он предложил изменить походку. Он сказал ему, чтобы он двигался быстрее, делая шире шаги, и непременно махал руками, когда ходил. Встречая его на перемене, он часто говорил ему: «Машите руками, машите руками». Кстати, он обращался к ученикам на «вы», как это было принято в старых гимназиях, и редко отступал от этого правила. Он воспитывал в своих учениках самоуважение и требовал от них уважения к другим, к своим товарищам. Разбирая какое-нибудь происшествие в классе, он никогда не требовал, чтобы ему выдали «зачинщика» или виновника. Он добивался того, чтобы провинившийся сам назвал себя. Выдать товарища для него было недопустимым, как, впрочем, и для всех хороших педагогов старого времени.

В моё время у Леонида Владимировича был тенор. Впоследствии у него «открылся» баритон, и, по общему мнению, довольно хороший. В те времена почти в каждом классе стоял рояль, из реквизированных у «буржуев». Леонид Владимирович подходил к роялю и показывал нам на нем то особенности музыкального построения у Чайковского, которого он очень любил (в те времена было модно не любить Чайковского, и Леонид Владимирович посмеивался над этой претенциозной модой), то мотив былины (помню, как он пел зчин к былине «Соловей Будимирович», рассказывая об использовании этой былины в опере «Садко» Римского-Корсакова).

С дурными привычками или с безвкусицей в одежде учениц Леонид Владимирович боролся мягкой шуткой. Когда наши девочки повзрослели и стали особенно тщательно следить за своими прическами и походкой, Леонид Владимирович, не называя никого из них по имени, рассказывал нам, что происходит в этом возрасте, как девочки начинают ходить, покачивая бедрами (и рискуя, по его словам, получить «вывих таза», им, конечно, придуманный) или устраивая себе кудельки, и в чем состоит вкус в одежде. Он даже читал нам в классе о Дж. Бремеле из книги поэта-символиста М. Кузьмина «О дендиизме», но не для того, чтобы восславить дендизм, а скорее для того, чтобы раскрыть нам сложность того, что может быть названо красивым поведением, хорошей одеждой, умением ее носить, и еще, я думаю, для того, чтобы вышутить фатовство и пижонство у мальчишек.

55 лет прошло с тех пор, но как много запомнилось из его наставлений на всю жизнь! Впрочем, то, что он говорил и показывал нам, нельзя назвать наставлениями. Все было сказано ненарочито, при случае, шутливо, мягко, «по-чеховски».

В каждом из учеников он умел открыть интересные стороны — интересные и для самого ученика, и для окружающих. Он рассказывал об ученике в другом классе, и как было интересно узнать об этом от других. Он помогал каждому найти самого себя: в одном он открывал какую-то национальную черту (всегда хорошую), в другом нравственную (доброту или любовь к «маленьким»), в третьем вкус, в четвертом остроумие, но не просто выделял чье-то остроумие, а умел охарактеризовать особенность этого остроумия («холодный остряк», «украинский юмор» — и непременно с пояснением, в чем состоит этот украинский юмор), в пятом открывал философа...

Для самого Леонида Владимировича не было кумиров. Он с увлечением относился к самым разнообразным художникам, писателям, поэтам, композиторам, но его увлечения никогда не переходили в идолопоклонство. Он умел ценить искусство по-европейски. Пожалуй, самым любимым его поэтом был Пушкин, а у Пушкина — «Медный всадник», которого он как-то поставил с учениками. Это было нечто вроде хоровой декламации, которая была поставлена как некое театральное представление, главным в котором был сам текст, пушкинское слово. На репетициях он заставлял нас думать — как произнести ту или иную строфу, с какими интонациями, паузами. Он показывал нам красоту пушкинского слова. И одновременно он неожиданно показывал нам и пушкинские «недоделки» в языке. Вот пример, запомнившийся мне с тех времен. «Нева всю ночь рвалася к морю против бури. Не одолев их буйной дури, и спорить стало ей невмочь». Начинался спор, почему буря в другой строке стоит во множественном числе.

Такие же недоделки, если не ошибки, умел он найти в самых известных произведениях живописи, скульптуры, музыки. Он говорил как-то, что у Венеры Милосской ноги чуть короче, чем следует. И мы это начинали видеть. Разочаровывало ли это нас? Нет, наш интерес к искусству от этого только возрастал.

В школе Леонид Владимирович организовал самоуправление, был создан так называемый КОП (комитет общественных предприятий). Я почему-то очень был против этой «лицемерной», как мне казалось, затеи. Я доказывал в классе, что настоящего самоуправления быть не может, что КОП не годится и как некая игра, что все эти заседания, выборы, выборные должности только напрасная потеря времени, а нам надо готовиться поступать в вуз. Я как-то стал вдруг действовать против Леонида Владимировича. Моя любовь к нему почему-то перешла в крайнее раздражение против него. Весь класс наш отказался принимать участие в КОПе. Мы не ограничились этим, но агитировали и в других классах против КОПа. Леонид Владимирович сказал по этому поводу моему отцу: «Дима хочет показать нам, что он совсем не такой, каким он нам представлялся раньше». Он был явно сердит на меня. Но в класс он к нам пришел, как всегда, спокой-

ный и чуть-чуть насмешливый и предложил нам высказать ему все наши мысли по поводу КОПа, внести свои предложения. Он терпеливо выслушал все, что мы думаем о КОПе. И он нам не возражал. Он только спросил нас: что же мы предлагаем? К позитивной программе мы были совершенно не готовы. И он помог нам. Он обратил внимание на те наши высказывания, где мы признавали, что в школе некому выполнять тяжелые работы, некому пилить дрова, некому таскать рояли (почему-то приходилось часто переносить рояли из одного помещения в другое). И он предложил нам: пусть класс не входит в КОП, пусть он будет организован так, как он хочет, или даже не организован вовсе. Но пусть класс помогает школе в тяжелой работе, на которую нельзя нанять людей со стороны. Это оказалось для нас приемлемым. Конечно, мы были в школе самые старшие и самые сильные; конечно, мы не могли допустить, чтобы девочки из младших классов выполняли за нас трудные работы. Мы будем все это делать, но мы не хотим никакой организации. Леонид Владимирович сказал на это: «Но назвать вас все же как-то надо?» Мы согласились. Он тут же предложил: «Давайте без претензий: «самостоятельная группа», или короче — «самогруппа». Мы согласились и на это. Таким образом, незаметно для нас он прекратил весь наш «бунт».

Жил Леонид Владимирович тяжело. Педагоги получали тогда очень мало. Иногда устраивались в их пользу концерты. Леонид Владимирович долго отказывался, но однажды и в его пользу пришли в школу играть знакомые ему актеры.

Приходилось ему и читать лекции в совсем непривычной ему аудитории. Однажды в Ольгине, где мы жили на даче, появились объявления о том, что будет дан концерт из произведений Чайковского, а вступительную лекцию прочтет Л. В. Георг. Концерт был в жалком театральном помещении, которое не использовалось с 1915 г. Слушатели явно не понимали лекции, и нам было очень жаль Леонида Владимира.

Вскоре после окончания моей школы он заболел, — кажется, сыпным тифом. Болезнь испортила сердце. Я встретил его в трамвае, и он мне показался потолстевшим. Леонид Владимирович сказал мне: «Не располнел, а распух: распух я!» Затем наступила пора, в которой Леонид Владимирович являлся нам, его ученикам, только в воспоминаниях. Более полувека помню я его так ясно, как никого из других своих учителей. Помню его высокий, очень красивый лоб...

КАТЕРИНУШКА ЗАКАТИЛАСЬ

А вот другой мой воспитатель — домашний, звали его Катеринушкой.

Единственное, что сохранилось от Катеринушки, — фотография

фия, на которой она снята с моей бабушкой Марией Николаевной Коняевой. Фотография плохая, но характерная. Обе смеются до слез. Бабушка просто смеется, а Катеринушка и глаза закрыла, и видно, что слова вымолвить не может от смеха. Я знаю, отчего обе так смеются, но не скажу... Не надо!

Кто снял их во время приступа такого неудержимого смеха — не знаю. Фотография любительская, и в нашей семье она давно, давно. Катеринушка нянчила мою мать, нянчила моих братьев. Мы хотели, чтобы помогла она нам и с нашими «рунчиками» — Верочкой и Милочкой, но что-то ей помешало. Помех у нее, при том неожиданных, было немало.

Помню в детстве, что жила она на Тарасовом в одной со мной комнате, а было мне тогда лет 6 и я открыл тогда впервые к своему удивлению, что у женщин есть ноги. Юбки носили такие длинные, что видна бывала только обувь. А тут по утрам за ширмой, когда Катеринушка вставала, появлялись две ноги в толстых чулках разного цвета (чулок все равно под юбкой не видно). Я смотрел на эти разноцветные чулки, появлявшиеся передо мной до щиколоток, и удивлялся.

Катеринушка была как родная и для нашей семьи и для семьи моей бабушки по матери. Чуть что нужно — и появлялась в семье Катеринушка: заболеет ли кто серьезно и нужно ухаживать, ожидается ли ребенок и нужно готовиться к его появлению на свет — шить свивальнички, подгузнички, волосяной (нежаркий) матрасик, чепчики и тому подобное; заневестилась ли девушка и нужно готовить ей приданое — во всех этих случаях появлялась Катеринушка с деревянным сундучком, устраивалась жить и как своя вела всю подготовку, рассказывала, говорила, шутила, в сумерки пела со всем семейством старинные песни, вспоминала про старое.

В доме с ней никогда не было скучно. И даже когда кто-нибудь умирал, она умела внести в дом тишину, благопристойность, порядок, тихую грусть. А в благополучные дни она играла и в семейные игры — с взрослыми и детьми — в лото цифровое (с бо-чоночками), причем, выкликая цифры, давала им шуточные названия, говорила приговорками и поговорками (а это не одно и то же — приговорок сейчас никто не знает, фольклористы их не собирали, а они часто бывали «заумными» и озорными в своей бессмысленности — хорошей, впрочем).

Кроме нашей семьи, семьи бабушки и ее детей (моих теток), были и другие семьи, для которых Катеринушка была родная и, попав в которые, не сидела сложа руки, вечно что-то делала, сама радовалась и радость эту и уют распространяла вокруг.

Легкий она была человек. Легкий во всех смыслах и на подъем тоже. Соберется Катеринушка в баню и не возвращается. Сундучок ее стоит, а ее нет. И не очень о ней беспокоятся, так как знают ее обычай — придет Катеринушка. Мать спрашивает

свою матушку (а мою бабушку): «Где Катеринушка?», а бабушка отвечает: «Катеринушка закатилась». Такой был термин для ее внезапных уходов. Через несколько месяцев, через год Катеринушка также внезапно появляется, как перед тем исчезла. «Где ж ты была?» — «Да у Мары Иванны! Встретила в бане Марью Иванну, а у той дочь заневестилась: пригласили приданое справить!» — «А где же Марья Иванна живет?» — «Да в Шлюшине!». (Так в Питере называли Шлиссельбург — от старого шведского «Слюсенбурх».) «Ну, а теперь?» — «Да к вам. Свадьбу третьего дня спровоцировали».

Вспоминала она и про мою маму разные смешные истории. Пошли они вместе в цирк. Мама маленькой девочкой была с Катеринушкой в цирке в первый раз и пришла в такой восторг, что вцепилась Катеринушке в шляпу, да вместе с вуалькой содрала с нее...

Катеринушка только при своих ходила в платке, а на улице, да еще в цирке, бывала в шляпке. И в Александринский театр она со всей семьей дедушки и бабушки ходила. Помню, рассказывала, как в антрактах в аванложу приносили кипящий самовар и вся бабушкина семья пила чай. Таков был обычай в «купеческом» Александринском театре, где и пьесы подбирались на вкус купеческий и мещанский (потому-то «Чайка» там и провалилась — ждали ведь фарса, тем более, что и Чехов в этой среде был известен как юморист).

Так вот о шляпке. Шляпка не была случайностью. Катеринушка была вдовой мастера, погибшего во время какой-то заводской аварии. Она гордилась своим мужем, гордилась, что его ценили. У ней был и собственный дом в Усть-Ижоре. Обращен он был окнами на Неву, т. е. на север, и так она любила свою Усть-Ижору и дом, что бывало рассказывала: «В мой дом солнышко два раза в день заглядывает — утром раненько поздоровается, а вечером к закату попрощается». Если учесть, что летом восход и закат сдвинуты к северу, то это, наверное, так и было. Но не зимой.

Никто не знал ее фамилию. Я у мамы спрашивал — не знала, но в паспорте у Катеринушки стояло отчество — Иоакимовна, и очень она не любила, если кто-нибудь называл ее Акимовной. Даже с обидой об этом рассказывала.

Как определить профессию этой милой вечной труженицы, приносившей людям столько добра (счастье входило вместе с ней в семью)? Я думаю, назвать бы ее следовало «домашней портнихой». Профессия эта совершенно сейчас исчезла, а когда-то она была распространенной. Домашняя портниха поселялась в доме и делала работу на несколько лет: перекраивала, перешивала, ставила заплатки, шила и белье и пиджак хозяину — на все руки мастер. Появится такая домашняя портниха в доме, и начинают перебирать все тряпье и всей семьей советоваться, как и что перешить, что бросить, что татарину отдать (татары-тряпичники

ходили по дворам, громко кричали «халат-халат» и в доме всякую ненадобность покупали за гроши).

Умерла она так же, как и жила: никому не доставив хлопот. Закатилась Катеринушка в 1941 г. слабой одноглазой старухой. Услыхала она, что немцы подходят к любимой ее Усть-Ижоре, встала у моей тети Любы с места (жила тетя Люба на улице Гоголя) да и пошла в Усть-Ижору к своему дому. Дойти она не смогла и где-то погибла, верно, по дороге, так как немцы уже подошли к Неве. Привыкла она всю жизнь помогать тем, кто нуждался в ее помощи, а тут несчастье с ее Усть-Ижорой... Закатилась Катеринушка последний раз в жизни.

ВОЗВЫШАТЬ ДРУГ ДРУГА

Конечно, будучи самому старику, трудно писать о старых людях: чем они хороши и чем плохи. Общаться со стариками не легко. Это ясно. Но общаться нужно и нужно это общение сделать легким и простым.

Старость делает людей ворчливее, болтливее (вспомните поговорку «погода к осени дождливей, а люди к старости болтливей»), требовательнее. Не легко для молодых переносить и старческую глуховатость. Старые люди недосыпают, невпопад отвечают, переспросят. Надо тогда повышать голос, невольно в голосе появляются нотки раздражения, а старый человек на это обижается (обидчивость тоже свойство старых людей). Одним словом, трудно не только быть старым, но трудно и молодым в общении со старыми.

И тем не менее молодым следует помнить: «все будем старыми». И еще должны помнить — опыт старых может пригодиться: и опыт, и знания, и мудрость, и юмор, и рассказы старииков, и даже их докучливые нравоучения.

Вспомните Арину Родионовну. Молодой человек может на это сказать: «но моя бабушка совсем не Арина Родионовна!» А я убежден в противном: каждая пожилая женщина несет в себе черты Арины Родионовны. Каждая или почти что каждая! Не для всякого человека ее времени Арина Родионовна была тем, чем сделал ее для себя Пушкин.

У Арины Родионовны были признаки старости. Она, например, засыпала работая. Вспомните:

И медлят поминутно спицы
В ее наморщенных руках.

Что значит слово «медлят»? Оно означает не то, что Арина Родионовна медленно работала, а то, что она «поминутно» замедляла свою работу и, очевидно, в старческой дремоте. Обратите внимание, с какою заботливостью и нежностью пишет Пушкин и о других чертах своей няни:

Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечесно грудь.
То чудится тебе...

Стихи незакончены...

Арина Родионовна стала для всех нас Ариной Родионовной именно потому, что рядом с ней был Пушкин. Не было Пушкина — осталась бы она, может быть, в короткой памяти окружающих задремывающей во время работы, вечно озабоченной чем-то незначительным («то чудится тебе...») и болтливой старухой. Но Пушкин нашел в ней ее лучшие черты, воспел эти черты. Рядом с ней Пушкину было легко и весело. Без сомнения, и сама Арина Родионовна становилась рядом с Пушкиным другой — любящей и заботливой.

И вот теперь мне хочется сказать одну очень важную мысль: люди, общаясь, создают друг друга!

Одни умеют разбудить в окружающих их лучшие черты, а другие по собственной вине создают вокруг себя докучное окружение, людей тоскливых и раздраженных. Умейте же в своей бабушке, няне найти свою Арину Родионовну, разбудить в старых людях общительность, приветливость, юмор, доброжелательность, даже талантливость. Ведь разбудил же Пушкин в Арине Родионовне ее «талант личности». Ведь старики по большей части не только болтливы, но и отличные рассказчики, не только забывчивы, но и памятливы на стародавнее, не только глуховаты, но обладают тонким слухом на старые песни. В каждом человеке совмещаются разные черты. Умейте не замечать недостатки — тем более возрастные, «физиологические». Умейте «переориентировать» своих знакомых стариков. Это так просто... если вы сами этого захотите. А захотеть надо, но спешите, спешите установить добрые отношения со старыми людьми. Ведь им остались немногие годы. В ваших силах скрасить эти немногие годы; как скрасил Пушкин последние годы Арины Родионовны.

ПАМЯТЬ

Память — одно из важнейших свойств бытия, любого бытия: материального, духовного, просто человеческого...

Лист бумаги. Сожмите его и расправьте. На нем останутся складки и, если вы сложите его вторично,— часть складок ляжет по прежним следам: бумага «обладает памятью»...

Памятью обладают отдельные растения, камень, на котором остаются следы его происхождения и движения в ледниковый период, даже стекло, даже вода.

На «памяти» древесины основана точнейшая специальная археологическая дисциплина, произведшая в последнее время переворот в археологических исследованиях,— дендрохронология.

Что же сказать о так называемой «генетической памяти», заложенной в генах и передающейся из поколения в поколение?

Сложнейшими формами родовой памяти обладают птицы, она позволяет, например, новым поколениям птиц совершать перелеты в обычном для них направлении к обычному месту их обитания. В объяснении этих перелетов недостаточно изучать только загадочные «навигационные» приемы и способы, которыми пользуются птицы, находя пути к цели своих полетов. Важнее всего память, заставляющая их искать и находить зимовья и летовья всегда в одних и тех же местах. Об этом еще писал и удивлялся этому на грани XI и XII вв. Владимир Мономах в своем «Поучении».

Память вовсе не механична. Это важнейший творческий процесс: именно процесс и именно творческий. Запоминается то, что нужно, и запоминается иногда постепенно. С помощью памяти накапливается добрый опыт, образуется традиция, создаются трудовые, бытовые навыки, семейный уклад, общественный институт... Память активна. Она не оставляет человека равнодушным, бездеятельным. Она владеет умом и сердцем человека.

Память противостоит уничтожающей силе времени.

Это свойство памяти чрезвычайно важно. Принято элементарно делить время на прошедшее, настоящее и будущее. Но благодаря памяти прошедшее прочно входит в настоящее, а будущее как бы предугадывается настоящим, соединяется с прошедшим в одну линию.

Память — это преодоление времени, преодоление смерти.

В этом величайшее нравственное значение памяти. «Беспамятный» — это прежде всего человек неблагодарный, безответственный, а, следовательно, в какой-то мере неспособный на добрые, бескорыстные поступки.

Безответственность рождается отсутствием сознания, что ничего не проходит бесследно, что все сохраняется в памяти — собственной и окружающих. Человек, совершающий недобрый поступок, предполагает, что поступок его не сохранится в памяти его личной и в памяти окружающих.

Так думал Родион Раскольников: убьет никому не нужную старуху-процентщицу, облагодетельствует человечество, а само убийство забудется и им самим, и окружающими.

Совесть — это, в основном, память, к которой присоединяется моральная оценка совершенного. Но если совершенное не сохраняется в памяти, то не может быть и оценки. Без памяти нет совести.

Вот почему так важно воспитываться молодежи в моральном климате памяти: памяти семейной, памяти народной, памяти культурной. Семейные фотографии — это одно из важнейших «наглядных пособий» нравственного воспитания детей, да и взрослых. Уважение к труду наших предков, к их трудовым традициям, к их орудиям труда, к их обычаям, даже к их песням

и развлечениям. Уважение к могилам предков. Все это дорого нам. И подобно тому как личная память человека формирует его совесть, его совестливое отношение к его предкам и близким, к его родным и друзьям — старым друзьям, т. е. наиболее верным, с которыми его связывают общие воспоминания,— так историческая память народа формирует нравственный климат, в котором живет народ. Может быть, следует подумать, не основывать ли нравственность на чем-либо другом: игнорировать прошлое с его порой ошибками и тяжелыми воспоминаниями и быть устремленным целиком в будущее, строить это будущее на разумных основаниях самих по себе, забыть о прошлом с его и темными и светлыми сторонами?

Это не только ненужно, но и невозможно. Память о прошлом прежде всего «светла» (пушкинское выражение), поэтична. Она воспитывает эстетически. Она обогащает человека.

Человеческая культура в целом не только обладает памятью, но это деятельная память человечества, активно введенная в современность.

Каждый культурный подъем в истории связан с обращением к прошлому. Сколько раз человечество обращалось, например, к античности? По крайней мере шесть больших, эпохальных обращений к античности было в истории культуры: при Карле Великом в VIII—IX вв. (и далее «Каролингский ренессанс»), во время «Македонской династии» в Византии в IX—X вв., при Палеологах в Византии в XIII—XIV вв., в эпоху Ренессанса, в конце XVIII — начале XIX в., во всей Европе вновь. А сколько было «малых» обращений европейской культуры к античности — в те же средние века, долгое время считавшиеся «темными» (англичане до сих пор говорят о средневековье «dark age» — темный век), во времена Французской революции (к республиканскому Риму) и т. д.

Каролингский ренессанс в VIII—IX вв. не был похож на Ренессанс XV в. Ренессанс итальянский не похож на североевропейский, отличающийся от итальянского. Обращение конца XVIII — начала XIX в., возникшее под влиянием первых археологических открытий в Помпее и трудов Винкельмана, отличается от нашего понимания античности и т. д.

Каждое обращение к античности, прошлому было революционным, оно обогащало современность, и каждое обращение по-своему понимало это прошлое, брало из прошлого нужное для движения вперед.

Это то, что касается обращения к античности,— а что давало для каждого народа обращение к его собственному, национальному прошлому? Если только оно не было продиктовано национализмом, узким стремлением отгородиться от других народов и их культурного опыта,— оно было плодотворным, ибо обогащало, разнообразило, расширяло культуру народа, его культурную, эстетическую восприимчивость. Ведь каждое обра-

щение к старому в новых условиях было всегда новым и порождало новое на глубокой основе. Обращение к старому — это не отказ от нового, это новое понимание старого. Это не задержка в развитии, какой была бы простая приверженность к старому, а скачок вперед.

Задержка в развитии — это по преимуществу приверженность к недавнему прошлому — прошлому, которое уходит из-под ног. Правда, и здесь могут быть различные явления. Иноzemное завоевание Болгарии конца XIV в. вынудило болгар проявлять особую приверженность к старому. Не было бы этой приверженности — они потеряли бы свой язык и свою культуру. Но интерес к давнему прошлому обычно диктуется потребностями современности. Эти потребности могут быть разного толка, но они во всяком случае не являются простым замедлением в развитии.

Знала несколько обращений к Древней Руси и послепетровская Россия. Были разные стороны в этом обращении: и полезные и отрицательные. Отмечу только, что открытие древней русской архитектуры и иконы в начале XX в. было в основном лишено узкого национализма в среде художников и очень плодотворно для нового искусства. Не случайно в этом открытии древнерусского искусства принимал такое активное участие И. Э. Грабарь.

Можно было бы широко показать эстетическую и нравственную роль памяти на примере поэзии Пушкина.

У Пушкина роль памяти в поэзии занимает исключительное место. Поэтическая роль воспоминаний,— я бы сказал «поэтизирующая» их роль,— прослеживается начиная с детских, юношеских стихотворений, из которых важнейшее «Воспоминания в Царском Селе». Но и в дальнейшем роль воспоминаний очень велика не только в лирике Пушкина, но и в «Евгении Онегине».

Когда необходимо внесение лирического момента,— Пушкин прибегает к воспоминаниям. Как известно, Пушкина не было в Петербурге в наводнение 1824 г., но все же в «Медном всаднике» наводнение окрашено воспоминанием:

Была ужасная пора,
Об ней свежо воспоминанье...

Чье это воспоминание «свежо»? — самого Пушкина или жителей Петербурга вообще? В конце концов это не важно.

Свои исторические произведения Пушкин также окрашивает долей личной, родовой памяти. Вспомните: в «Борисе Годунове» действует его предок Пушкин, в «Арапе Петра Великого» — тоже предок — Ганнибал.

Память удивительна тем, что она способна поэтизировать прошлое. Даже для детей прошлое становится поэтичным, сказочным, интригующим. Не случайно дети так часто обращаются к старшим: «расскажи, как ты был маленьким». Рассказы про

войну, про блокаду Ленинграда дети слушают со сладким ужасом, не менее захватывающим, чем светлые воспоминания о детских шалостях старших.

Из рассказов о прошлом, каким бы оно ни было,— дурным или хорошим,— извлекается опыт.

Два чувства дивно близки нам
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
Животворящая святыня!
Земля была бы без них мертва.

Поэзия Пушкина мудра. Каждое слово в его стихах требует раздумий. Наше сознание не сразу может свыкнуться с мыслью о том, что земля была бы мертва без любви к отеческим гробам, без любви к родному пепелищу. Два символа смерти и вдруг — «животворящая святыня»! Слишком часто мы остаемся равнодушными или даже почти враждебными к исчезающим кладбищам и пепелищам: двум источникам наших не слишком мудрых мрачных дум и поверхностно тяжелых настроений.

Но зачем мы сами-то едем в Пушкинские Горы? Разве не затем, чтобы поклониться гробу Пушкина и посетить сельцо Михайловское, которое для нас и в самом деле родное пепелище? И разве мы не испытываем на себе их животворящую силу? Разве не возвращаемся из пушкинских мест обновленными духовно, с огромным запасом животворных впечатлений?

«Святыня»! Но ведь Пушкинские Горы и в самом деле Святые Горы — святые для каждого, кто любит русскую поэзию. Разве мы не испытываем здесь прикосновения к чему-то для нас очень дорогому, высокому и священному?

Когда посещаешь пушкинские места, испытываешь чувство соприкосновения с необычайной красотой. Долго едешь по унылой ровной местности и вдруг, как чудо, попадаешь в край дивной красоты холмов, рощ, лугов. Дело даже не в том, что пушкинские места красивы как пейзажи: их особая красота в союзе природы с поэзией, с воспоминаниями — воспоминаниями истории и воспоминаниями поэзии.

И эта стихия пушкинских воспоминаний овладевает нами, когда среди Михайловских рощ мы оказываемся под кровом поэзии Пушкина. Поднимаясь на холмы и городище, мы встречаемся с Пушкиным и с русской историей, следя за извивами Сороти и любуясь гладью пушкинских озер,— мы угадываем в них отражение Пушкина...

Во времена Пушкина ценилась «меланхolia». Сейчас мы плохо представляем себе, что подразумевалось под этим словом. Мы думаем теперь, что меланхolia порождается пессимизмом, равняется пессимизму. А между тем она была порождением эстети-

ческого преобразования всего того печального, трагического и горестного, что неизбежно в жизни. Меланхолия была «поэтическим утешением», и это очень важно почувствовать, чтобы понимать поэзию Пушкина, особенно посвященную природе. Не горе, а печаль — сладостная поэтическая печаль! Не трагедия смерти, а сознание ее неизбежности — неизбежности по законам природы. Не уход в небытие и не забвение, а уход в воспоминания. Поэтому-то поэзия Пушкина так много уделяет внимания воспоминаниям, поэтому-то она целит и утешает.

В Михайловском, Тригорском, Петровском, на городище Воронич, по берегам Сороти и озер Маленец и Кучан мы гуляем среди воспоминаний, мы примиряемся с всеобщим законом ухода всего существующего в прошлое. Мы понимаем, что из тлена возникает жизнь, из истории — настоящее, из поэзии Пушкина — жизнь в окружении поэзии.

Пепелище Пушкина становится здесь и нашим пепелищем, гробы и могилы — нашими, «отечественными», и мы приобретаем силу переносить собственную печаль и собственное горе, приобретаем здесь, среди «отеческих гробов», животворную силу примирения с тишиной и неизменным ритмом законов жизни.

«Заповедник» — это заповедный край. Это не край запретов — это край, где мы получаем заповеди любви, дружбы, веселья, встречаемся с Пушкиным, с тем, что он нам заповедал.

Край, который открывает нам память,— личная или народная,— это край, заповедный край, который мы должны хранить, и край, который дает нам мудрые заповеди старины, тысячелетнего опыта, красоты и нравственных сил.